

УДК 81'373.45+81-112

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОРИЕНТАЛИЗМОВ
В ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
(на материале памятников письменности XVI – XVII вв.)**

Г.Х. Гилязетдинова

Аннотация

В статье рассматривается один из важных вопросов адаптации заимствований в языке-рецепторе – особенности их семантического изменения. Анализируется ориентальная лексика русского языка Московского государства на материале разножанровых памятников письменности XVI – XVII вв. Проводится семантико-функциональное исследование заимствованной лексики из восточных языков.

Языковые заимствования как результат экономических, политических и культурных обменов между народами играют существенную роль в эволюции словарного состава языка. Лингвистами давно замечено, что взаимодействие языков является объективной необходимостью. В свое время Бодуэн де Куртене в статье «О смешанном характере всех языков» подчеркивал, что «нет и не может быть ни одного чистого, не смешанного языкового целого» [1, с. 363].

Исследование заимствований русского языка XVI – XVII вв. является одной из важнейших историко-лексикологических проблем, ибо изучение словарного состава русского языка указанного периода важно для истории формирования и развития русского национального литературного языка. Теоретические проблемы языкового заимствования до сих пор считают не достаточно разработанными [4, с. 13]. Между тем имеется необходимость в исследованиях, анализирующих процессы освоения иноязычных элементов в системе принимающего языка.

Известно, что вхождение и адаптация заимствованного слова предполагает освоение формальной стороны (фонетическое и морфологическое) и его семантики. Формальное освоение заимствованной единицы непосредственно связано с генетическим родством или типологической близостью языков. Меньшее сходство контактирующих языков обуславливает глубокие изменения в заимствующемся слове с целью включения его в принимающую систему. Характер изменений, происходящих в заимствующемся слове, предопределен не только возможностями дающей, но и принимающей системы. Процесс формальной ассимиляции представляет собой движение от многообразия к единой и стабильной форме.

Семантическое изменение заимствования – один из важных факторов его адаптации. Необходимо учитывать тесную связь семантических изменений, с

одной стороны, с историей народа, его культурной и общественной жизнью, а с другой стороны, с исторически определенными особенностями принимающей лексико-семантической системы языка. В связи с этим В.В. Виноградов писал: «История значения слова может быть воспроизведена лишь на широком фоне истории лексико-семантических систем данного языка» [2, с. 39].

В лексической системе русского языка особое место занимают заимствования из языков восточных, объединенные общим термином «ориентализмы». В состав восточных языков входят языки разнотемные: тюркские, монгольский, арабский и персидский. При этом следует иметь в виду, что тюркские иноязычные элементы среди заимствований из других восточных языков составляют подавляющее большинство. Этимологизация ориентализмов имеет свою специфику, связанную с тем, что на протяжении всей истории русские (а раньше – восточные славяне) контактировали с различными тюркскими и другими восточными народами (арабами, персами) и русский язык пополнялся не из какого-либо одного источника, а из разных тюркских и других восточных языков. Это создает определенные трудности в выявлении источника и прототипа ориентального заимствования.

В лингвистической литературе справедливо подмечено, что «исследование лексики любого периода по данным письменных источников в аспекте ее семантических особенностей предполагает обращение к употреблению слова в существующих в данный период жанрово-стилистических разновидностях» [5, с. 87]. Для анализа привлекаются разнообразные в жанровом отношении памятники XVI – XVII вв., представляющие литературно-художественную ценность. Это произведения светской литературы (исторические повести, сказания, хождения, публицистика), памятники эпистолярной письменности (частные письма, или грамотки). Представляется исключительно важным определение изменений семантического облика заимствованного слова при вхождении его в русскую лексико-семантическую систему и в период его дальнейшего функционирования на русской почве.

Изменения, появившиеся в семантической структуре заимствований, часто носят закономерный характер: происходит сужение, расширение и переосмысление их значений. Кроме того, включаясь в лексико-семантическую систему принимающего языка, заимствованное слово вступает в разнообразные связи с исконными элементами словаря. В результате происходят существенные преобразования в лексической системе принимающего языка: видоизменение связей в ряду тематических групп слов, возникновение новых синонимических рядов, появление антонимических оппозиций, дифференциация значений в различных семантических структурах и микроструктурах и т. д.

В процессе вхождения в лексико-семантическую основу русского языка ориентализмы проходят две стадии: 1) функционирование в качестве экзотизма, когда слово употребляется для обозначения ранее неизвестных для носителей русского языка реалий, понятий; 2) утрата восточным заимствованием экзотической окраски и окончательное включение его в систему русского языка. Так, на стадии вхождения в лексическую систему русского языка экзотическую окраску имели слова *аршин*, *сафьян*, *чердак* и др., которые впоследствии утратили ее и стали функционировать в качестве единственных номинаций соответ-

вующих реалий. Необходимо отметить, что практически все ориентализмы на стадии вхождения выступали в качестве экзотизмов. Однако отдельные ориентализмы так и не преодолели второй стадии вхождения в систему заимствующего языка, сохраняя свою экзотичность. Обычно это предметы восточного быта, религиозная, социальная терминология и др. Ср.: *абаса* 'персидская серебряная монета', *абыз* 'священнослужитель у мусульман', *карач* 'представитель высшей знати у крымских и казанских татар, советник хана', *имилдеш* 'название человека, вскормленного вместе с царевичем одной кормилицей (у татар)', *кешиши* 'священник', *мулла*, *намаз*, *чалма*, *хан* и др. Данная безэквивалентная лексика, обозначая чуждые реалии другого народа, практически не реализует свои словообразовательные потенции в русском языке, что подчеркивает ее чужеродность, неассимилированность в лексической системе принимающего языка. В обследованных нами источниках экзотизмы встречаются во всех жанрах: и в публицистике Андрея Курбского, и в хождениях на Восток и т. д. Например: *И отдаша намъ царя своего со единымъ корачомъ, што наибольшимъ ихъ, и со двема имилдеши* (Курб. Ист., стлб. 200), *И от правои руки из мечети вышли на встречу шаху их муллы и кешиши* (Х. Котова, с. 46).

Среди восточных заимствований большую группу занимают такие слова, которые были однозначны уже в языке-источнике и с этим значением перешли в русский язык. Обычно это лексика, имеющая как предельно широкий, общо-бытовой характер, так и лексика терминологическая. Как правило, это наименования часто встречающихся реалий, ср.: *алтабас* 'парча', *барабан*, *бархат*, *башмак*, *бурав*, *ез* 'сооружение на реке для ловли рыбы', *жесть*, *ишем* 'пьяный мед (как напиток)', *казан* 'котел', *кирпич*, *кушак*, *лебеда*, *пенька*, *сазан*, *серьга*, *сурьма*, *шандал* 'подсвечник', *яхонт* и др.

Особенностью слов приведенной группы является прикрепленность к определенным функциональным сферам и относительная семантическая устойчивость. Это названия одежды, ее деталей: *балахон*, *епанча*, *зепь* 'карман', *зипун*, *кафтан* 'верхняя мужская одежда разного покроя и назначения', *киса* 'сумка, мешок, котомка', *штаны* и др.; наименования, связанные с коневодством: *аргамак* 'восточная породистая верховая лошадь', *арчак* 'деревянный остов седла, седло', *бахмат* 'выносливый конь татарской породы', *хомут* и т. д. К сфере коневодства также относятся производные от заимствований, обозначающие различные масти лошадей: *буланный*, *игрений*, *ковурый* 'каурый', *чалый* и др. Среди ориентализмов заметную группу составляют наименования тканей: *алача* 'название шелковой или бумажной полосатой ткани', *дороги* 'восточная шелковая ткань', *изуфрь* 'шерстяная ткань', *камка* 'шелковая цветная узорчатая ткань', *киндяк* 'название одного из видов хлопчатобумажной ткани', *кумач*, *мухояр* 'хлопчатобумажная ткань с шерстяной или шелковой нитью' и др., вошедшие в тематические ряды русских наименований тканей, причем не конкурируя с ними. Заимствованные лексемы также значительно расширили функциональную сферу названий драгоценных камней: *алмаз*, *изумруд*, *лал*, *яхонт* и др. Восточные слова дополнили состав и других функциональных сфер, например сферу судоходства – *будар*, *каюк*, *каторга*; метрологии – *аршин*, *косяк*; военно-политической терминологии – *ясырь* 'пленный'; дипломатии – *толмач* 'переводчик', медицины – *камчуг* 'подагра' и др.

В процессе функционирования у ряда заимствований происходит сужение объема значения. Так, лексема *изюм*, заимствованная из крымско-татарского языка, имела значение ‘всякий виноград вообще’, и прежде всего ‘свежий виноград’ [3, с. 7]. На первых порах заимствование сохраняло значение языка-источника. Необходимо отметить, что первая письменная фиксация ориентализма *изюм* ‘свежий виноград’ обнаруживается в сочинениях Максима Грека, относящихся к концу XVI века: *Лозия же виноградъ есть, из него же ягоды виноточны, глаголемы по татарски изюмы, а по писанию гроздие*. М. Гр. Неизд. III, 96. XVI в. (Словарь XI – XVII вв., вып. 6, с. 219). Употребление *изюм* в значении ‘свежий виноград’ находим также в путевых заметках купца Федота Котова при описании экзотической Персии: *А в садех овощи, яблока, дыни, арбузы, тыквы, огурцы, изюм, дикои перец, капуста* (Х. Котова, с. 31). Слово *изюм* в значении ‘свежий виноград’ широкого распространения не получило, не выдержав конкуренции с исконным *виноград*. Затем сема ‘свежий виноград’ у слова *изюм* исчезает, и на смену ей во второй половине XVII века появляется значение ‘сушеный виноград’. Например, в Проскинитарии Арсения Суханова читаем: *Въ 30 день приѣхали въ Дартель градъ ... тутъ виноградъ на полѣ, какъ хлѣбныя нивы; тутъ изюмъ сухой дѣлають, много и дешевь гораздо* (Арс. Сух. Проскинитарий, с. 94). Или в приходно-расходной книге Иверского монастыря: *Куплено ... пуд изюму*. Кн. Ивер. м. I, 50 об. 1666 г. (Словарь XI – XVII вв., вып. 6, с. 219). Возникновение специализированного значения у слова *изюм* в русском языке обусловлено экстралингвистическими факторами, связанными с тем, что крымские татары продавали обычно сушеный виноград, который был для них просто виноградом (*изюм*). В свою очередь русские, покупая данный продукт, полагали, что *изюм* – именно сушеный, а не свежий виноград. Впоследствии значение ‘сушеный виноград’ у слова закрепилось и стало единственным. Появление собственно русского производного *изюмный* в составе словосочетания *изюмныя ягоды*, отмеченного в памятнике русской демократической сатиры XVII века «Сказание о роскошном житии и веселии» в значении ‘сушеный виноград’, свидетельствует о дальнейшем закреплении слова в лексической системе заимствующего языка, ср.: *А онис и гвоздика, шавранъ и кардамон, и изюмныя и винныя ягоды, и виноград на все стороны мечут, дороги прочищают* (Сказ. о роск. житии, с. 41).

Иногда заимствование, появившееся на русской почве, используется в узком, специальном значении, и только позднее оно расширяет свои функции, вытесняя исконное слово, реализуя при этом сочетаемостные связи и словообразовательные возможности. Это, например, заимствование из тюркских языков *аршин*, в основе которого лежит перс. *арш*, означающее меру длины в ‘15 или 16 вершков’, а также ‘локоть’ или ‘пядень’ [3, с. 17]. *Аршин* вначале использовался только для измерения тканей, привезенных с Востока. Следует отметить, что слово *аршин* как наименование меры длины появилось впервые в деловой русской письменности конца XV века в сочетании *кафинский аршин*, то есть мера, принятая на рынках Кафы – Феодосии, где господствовала в то время Турция. Лексема *аршин* в конце XV – начале XVI века стала конкурировать с исконным наименованием меры длины *локоть*, а затем и вытеснять его. Старинная антропометрическая русская мера *локоть* была официальной метрологической

единицей, однако после появления заимствования *аршин* позиция исконной меры длины *локоть* стала уязвимой. Потом слово *локоть* стало использоваться преимущественно для измерения отечественных тканей (холста, льна, сукна и др.), а затем и вовсе исчезло. До середины XVI века для ввозимых тканей, кроме *кафинского аршина*, использовали *венецкий* и *итальянский аршин*. С середины XVI века был введен единый *московский аршин* как для ввозимых, так и для отечественных тканей. В дальнейшем *аршин* становится не только преобладающей, но и официальной в системе русских мер, принятых в Московском государстве. Как пишет в монографическом исследовании Г.Я. Романова, «в ходе развития русской метрологии потребность в более крупной единице измерения была удовлетворена заимствованием новой единицы измерения длины вместе с наименованием, в связи с чем «пустое место» в терминологической системе было заполнено заимствованным словом» [6, с. 81]. Позднее у слова *аршин* появляется значение ‘металлическая или деревянная мерка в аршин’. Словарь XI – XVII веков отмечает терминологизированное словосочетание *аршинъ печатный* в дополнениях к Актам историческим: *А мЪра тЪмь оброчнымъ стерлядымъ въ три четверти аршина, а мЪрять оброчные стерляди государевымъ печатнымъ орленымъ аршиномъ с носомъ и съ хвостомъ*. ДАИ VI, 276. 1673 г. (Словарь XI – XVII вв., вып. 1, с. 55). В исследуемых источниках *аршин* в значении ‘мера длины’ встречается в памятниках народно-разговорного языка XVII века: в частной переписке, грамотках, в русской демократической сатире. Ср.: *Сорок аршин халсту алленова* (Грамотки, 37), *Марья Иванова жена ... выткала полотна двадцать три аршина* (Переп. Хован., с. 402). Лексема *аршин* реализует словообразовательные возможности в заимствующем языке, что является показателем его укоренения в языке-рецепторе, ср.: уменьшительно-уничижительное *аршинишка*, прилагательное *аршинный*, субстантивированное прилагательное *аршинное* (ср. р.), имеющее специальное значение – ‘пошлина, взимаемая с продажи на аршины’: *И съ аршиновъ аршинное, и съ гостина двора мостовое, имати по прежнему, как было до сего государева указу*. ПСЗ I, 305. 1653 г. (Словарь XI – XVII вв., вып. 1, с. 55).

Одно из направлений семантических изменений однозначных ориентализмов представлено развитием дополнительных, специальных значений расширительного характера. Например, у восточного заимствования *амбар* (*анбар*) ‘склад’, вошедшего в русский язык в XVI веке в качестве наименования хозяйственной постройки, появились терминологические значения: ‘строение для торговли и хранения товаров’, ‘постройка производственного назначения’. Соответственно на базе данных значений у слова *амбар* (*анбар*) образуются терминологические словосочетания, расширяющие функциональную сферу заимствования. Так, Словарь XI – XVII вв. регистрирует словосочетания *икрянной, соляной, хлебный амбар; харчевный, чарочный амбар; кузнечный, молотовой амбар*. В XVII веке слово *амбар* (*анбар*) становится основой для производных со специальным значением *амбарщина* (*анбарщина*) и *амбарное* (*анбарное*) ‘пошлина за пользование торговым или складским помещением, за хранение товаров’. Кроме того, заимствование *амбар* выступает в качестве основы для эмоционально-экспрессивных образований *амбарец* (*анбарец*), *амбарушка* (*анбарушка*), что вообще характерно для слов с конкретно-предметным значением

(Словарь XI – XVII вв., вып. 1, с. 34–35). В исследуемых источниках заимствование частотно в памятниках народно-разговорного языка (грамотках, частной переписке), встречается в хождениях. Ср., например: *А за городом ... рыбные лавки и анбары, где лежат с судов запасы* (Х. Котова, с. 29), *И я соль ис тѣх анбаров продавал* (Грамотки, с. 177).

Иногда однозначное заимствованное слово в результате различных изменений подвергается семантическому переосмыслению в языке-рецепторе. Так, слово арабского происхождения *аманат*, по свидетельству этимологического словаря Макса Фасмера, было заимствовано русским языком из татарского, крымско-татарского, казахского – *amanat* «залог, поручение», турецкого – *âmanât* (Фасмер, т. 2, с. 75). Н.К. Дмитриев отмечает в связи с этим, что в Московской Руси «аманатами назывались именно заложники (лат. *obsides*), которых московские князья и цари брали из Сибирской Орды Кучума и, позднее, из независимых ханств Средней Азии» [3, с. 16]. Так слово *аманат* получило в русском языке распространение в значении ‘заложник’. В исследуемых памятниках слово *аманат* встречается в публицистических произведениях протопопа Аввакума, в хождении Федота Котова, в грамотках. Ср.: *И я тутъ с аманатами и с собаками жильъ скованъ зиму всю* (Ав. Ж., стлб. 25), *Приделан стоячеи тын к кремлю и замкнут, а сидят в нем аманаты и неволные люди* (Х. Котова, с. 31), *А дают де в оманатах худых людеи* (Грамотки, с. 131). Среди производных от лексемы *аманат* в Словаре XI – XVII вв. отмечаются прилагательные *аманатный*, *аманатский* ‘относящийся к аманату’ и существительное *аманатчик*, синонимичное заимствованию *аманат* ‘заложник’.

Примером переосмысления значения восточного заимствования в русском языке может быть и слово *тулумбас* (*тулунбаз*). Данная лексема в значении ‘небольшой бубен в виде чашки’ впервые зарегистрирована в русском языке конца XVI века (1589 г.) при описании конского прибора Бориса Годунова: *Тулунбазъ большой Турской булатень, золочень, травы резаны на проемъ*. Конск. приб. Бор. Фед. Год. 45 (Срезневский, с. 1036). Слово *тулумбас* (*тулунбаз*) было заимствовано из турецкого языка. Н.К. Дмитриев, ссылаясь на Л. Будагова, пишет, что слово *тулумбас* образовано «от тур. *tulum* ‘мех’, ‘волынка’ + перс. *bâz* ‘играющий» [3, с. 45]. П. Савваитов, давая подробное описание данной реалии, также подтверждает турецкое происхождение этой лексемы: *тулум* значит мех, кожаный мешок, волынка, а *тулумбаз* – литаврщик (Савваитов, с. 151). Таким образом, слово *тулумбас* (*тулунбаз*) в значении ‘литаврщик’ в языке-этимоне в результате семантических сдвигов в языке-рецепторе было перенесено на название заимствуемой реалии и в дальнейшем стало обозначать ударный музыкальный инструмент восточного происхождения. В одном из писем XVII века читаем: *Послал я к тебѢ тулунбас с каменемъ позолоченои* (Грамотки, с. 140).

Известно, что переносное употребление иноязычного слова свидетельствует о высокой степени семантической адаптации слова в системе заимствующего языка. Как правило, ориентализмы, подвергающиеся метафоризации, немногочисленны, и они относятся к разряду достаточно адаптированных в лексической системе русского языка. Например, в произведениях «огнепального» протопопа Аввакума отмечаются примеры такого употребления. Так, древнейшее

заимствование *чертог* в сочетании с прилагательным *небесный* употребляется в значении 'небесная обитель, рай' и имеет характер книжной метафоры-символа: *И за едино немилосердие входа во врата не обрѣтоша, и въ чертогъ небесный не внидоша* (Ав. Кн. бес., стлб. 322). Ср. метафоризацию лексемы *каракуля*, заимствованной из тюркского кара «черный» и kul «рука» (Фасмер, т. 2, с. 192), которой в русском языке XVI – XVII вв. называли ряд инструментов, имеющих раздвоенный изогнутый конец, в частности один из видов кочерги, заканчивающейся тремя зубцами (Словарь XI – XVII вв., вып. 7, с. 72). Именно форма названной реалии легла в основу переносного использования слова *каракуля*, которым протопоп Аввакум в «Книге толкований» кощунственно называет троеперстное крестное знамение, положенное на лоб верующим рукой никонианского попа: *Тяжела су присыпка-та пившему чашу сию <...> А к тому еще малакса на чело попъ наложитъ: такъ и вовсе спи,- не просняся и до судного дни! Малаксу тово знаешь ли ты, Симеонъ? А то каракуля-та!* (Ав. Кн. толк., стлб. 569).

Таким образом, ориентализмы, функционирующие в русском языке XVI – XVII веков, вошли в его лексическую систему преимущественно как наименования конкретно-бытовых реалий, чаще всего обладающих одним значением в языке-источнике. Реализация словообразовательного потенциала ориентализмов, их семантико-синтаксические возможности являются важным доказательством их закреплённости в лексической системе заимствующего языка. Семантическое развитие, будучи одним из важных факторов адаптации восточных слов в русском языке, которое было связано не только с лексико-семантическими особенностями заимствуемого слова, но и, прежде всего, с более интенсивным влиянием русской лексико-семантической системы на входящее в нее слово.

Summary

G.H. Gilazetdinova. Semantic Development of Oriental Lexis in the Language of Russian Moscow State (on the Material of Written Records of 16–17th centuries).

The article is devoted to one of the most important questions of the borrowed lexis adaptation in receptor-language, i.e. to the specifics of their semantic change. The lexis of Russian Moscow State is analyzed on the material of written records of 16–17th centuries belonging to different genres. The semantic-functional analysis of the lexis borrowed from Eastern languages is made.

Источники

- Ав. Ж. – Житие протопопа Аввакума, им самим написанное (1672–1673 гг.) // Памятники истории старообрядчества XVII века. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Кн. I, Вып. I. – Стлб. 1–240.
- Ав. Кн. бес. – Аввакум. Книга бесед (1669–1675 гг.) // Там же. – Стлб. 241–424.
- Ав. Кн. толк. – Аввакум. Книга толкований (1677 г.) // Там же. – Стлб. 425–576.
- Арс. Сух. Проскинитарий – Проскинитарий Арсения Суханова (1649–1653 гг.) // Православный палестинский сборник. – СПб., 1889. – Т. 7, Вып. 3. – С. 3–300.
- Грамотки – Грамотки XVII – начала XVIII века (1629–1709 гг.) / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1969. – 415 с.

- Курб. Ист. – История о великом князе Московском (XVI в.) // Сочинения князя Курбского. – СПб., 1914. – Т. I. – Стлб. 161–354.
- Переп. Хован. – Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников (XVII в.) / Сообщ. Г. Лукьяновым // Старина и новизна. – М., 1905. – Кн. 10. – С. 283–462.
- Савваитов – *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. – СПб., 1896. – 184 с.
- Сказ. о роск. житии – Сказание о роскошном житии и веселии (XVII в.) // Русская демократическая сатира XVII века. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 70–72.
- Словарь XI – XVII вв. – Словарь русского языка XI – XVII веков. – М.: Наука, 1975–2006. – Вып. 1–27.
- Срезневский – *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. – СПб., 1903. – Т. III.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986–1987.
- Х. Котова – Хождение купца Федота Котова в Персию (1624 г.) / Публикация Н.А. Кузнецовой. – М.: Изд-во вост. лит., 1956. – С. 25–60.

Литература

1. *Бодуэн де Куртэнэ А.И.* О смешанном характере всех языков // Избр. работы по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 362–372.
2. *Виноградов В.В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического изучения // Избр. работы: Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 39.
3. *Дмитриев Н.К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сб. – М.: ГИС, 1958. – Вып. 3. – С. 3–47.
4. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
5. *Михайловская Н.Г.* О реализации значения слова в древнерусском тексте // Вопр. языкознания. – 1974 – № 5. – С. 85–95.
6. *Романова Г.Я.* Наименования мер длины в русском языке. – М.: Наука, 1975. – 175 с.

Поступила в редакцию
06.12.07

Гилазетдинова Гелия Хайретдиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.